

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ Д.С.ЛИХАЧЁВА КАК ЭЛИТАРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Языковая личность Д.С.Лихачёва анализируется на материале его «Воспоминаний» и публицистических статей. В качестве коррелята языковой личности рассматриваются понятия, идеи, концепты, складывающиеся в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей данной личности. Через призму концептуальных представлений обнаруживается связь личности с культурой социума, в который она входит (социум русской интеллигенции).

Ключевые слова: языковая личность, индивидуальный когнитивный тип, социум, интеллигент, Д.С.Лихачёв.

В структуре каждой отдельной языковой личности есть инвариантная часть, выделение которой обуславливает существование общенационального языкового типа и детерминирует принадлежность индивида к тому или иному лингвокультурному сообществу. Такое «духовно-социальное», по определению Николая Бердяева, явление, как русская интеллигенция, к которой принадлежит Д.С.Лихачев, можно рассматривать как с абстрактных, внеисторических позиций, так и с конкретно-исторических. Охарактеризуем интеллигенцию с абстрактно-сущностной точки зрения.

Внесловный статус русской интеллигенции проявился в том, что сам термин превратился в культурную и этическую, а отнюдь не социальную характеристику. Он же, этот внесловный статус, позволил интеллигенции сделаться одним из главных факторов исторического развития России. Понятие «интеллигентности», того, что присуще «интеллигентам», независимо от социального статуса, предполагает наличие какой-то осмысленной («интеллектуальной») нравственной нормы, действительной – на уровне обычного права. Языковой узус отражает своеобразие русской истории, тот факт, что русская интеллигенция стала на рубеже веков носительницей национальной идеи. Русское общество признало за интеллигенцией **право** на нравственную проповедь. Люди творческих профессий, в том числе академические ученые, хотя ими не исчерпывался состав русской

интеллигенции, образовывали ее ядро. Интеллигенцию отличает сохранение пиетета перед наукой как поиском абстрактной истины [3: 34,36].

Исповедальная мемуарная проза (языковая личность Д.С.Лихачева анализируется нами по материалам его «Воспоминаний», «Соловецких записей 1928-1930», «Соловки. Записки» и, частично, публицистических статей) позволяет представить модель элитарной языковой личности российского интеллигента в ее когнитивном и мотивационном аспектах. Как коррелируют языковой личности рассматриваются понятия, идеи, концепты, складывающиеся в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей данной личности и являющуюся фрагментом индивидуального когнитивного типа (далее дадим интерпретацию некоторых этических, эстетических, эмоциональных концептов).

Важнейший компонент картины мира личности – этические составляющие. Этической оценке подвергаются понятия, связанные с обязанностями (долг, долженствование, правильность поступка), и понятия ценности (достоинство, хорошее, плохое, достойное, недостойное и т.п.). К числу этических концептов в русском языке относятся *добро/зло, стыд, совесть, грех (виновность/невиновность), добродетель, ответственность, долг, чистота, смирение/гордость, свобода/воля, право; Бог, идеал; счастье, жизнь, смерть.*

Д.С.Лихачев *добро* и *зло* трактует рационально, что не противоречит христианскому мировоззрению:

Когда человек задумывается над общими проблемами жизни, – он только в случаях полного духовного одиночества решается принять «злые» выводы. Зло возникает обычно от бездумья. Залог совестливости не просто чувства, а мысль [9: 160]. [Зло – духовное одиночество, зло – антоним совестливости (=добро), в концепт добро входит понятие совестливости]. См.:

Из всей этой передраги я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать сотням подростков, сохранив им жизнь, да и многим другим людям, добро, полученное от самих солагерников, опыт всего виденного породили во мне какое-то очень

глубоко залегающее спокойствие и душевное здоровье. Я не приносил зла, не одобрял зла, сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу. Может быть, именно это научное стремление наблюдать помогло мне выжить, сделав меня как бы «посторонним» всему тому, что со мной происходило [11: 44].

Практически каждая лексема или синонимический ряд, обозначающий тот или иной грех, связаны отношениями антонимии с лексемами или синонимическими рядами лексем, обозначающими добродетель, противоположную данному греху. Три богословские, или теологические, добродетели **Вера, Надежда, Любовь** связаны с доверием к объекту, на который направлено чувство. Оптимизм и связанные с ним вера и надежда на лучшее будущее являются такими свойствами и структурами психики русского народа, которые способны компенсировать недостаточность, «недобор» счастья, могли стать источником положительных эмоций в реальной жизни, необходимой подпиткой для жизненных сил и стойкости духа, всегда присущих русским людям [7: 44].

Содержание концепта ‘любовь’ было предметом углубленного анализа в теологии и философии. В православной этике любовь связана с внешним объектом; самодовольство и себялюбие – это эгоизм. Русские философы единогласно подтверждают идущее с древности представление о любви как цементирующей силе соборности [8: 136]. Любовь христианская – это любовь к ближнему (*любить... человека, всех, ближнего; жалость – с этого начинается любовь*):

любовь – жалость, ранить сердце, спасти, волноваться, тревожиться, быть в одном горе [9: 156].

Многие убеждены, что любить Родину – это гордиться ею. Нет! Я воспитывался на другой любви – любви-жалости. Неудача русской армии на фронтах первой мировой войны, особенно в 1915г., ранили мое мальчишеское сердце. Я только и мечтал о том, что можно было бы сделать, чтобы спасти Россию. Обе последующие революции волновали меня главным образом с точки

зрения положения нашей армии. Известия с «театра военных действий» становились все **тревожнее и тревожнее**. **Горю** моему не было пределов [9: 156].

Любовь связана с заглавным концептом русской языковой картины мира – концептом ‘идеал’, ‘идеальное’. Двойственность национального характера, двоеверие объясняет тот факт, что идеалом в русском религиозном сознании является не Бог, а святой («святой», а не «гений», по определению Н.Бердяева), праведник. К Богу же отношение как к обобщенному понятию о Мире («благоговение» к Богу, см. [15,1: 123]), ср. например, отношение к Богу как к обобщенному понятию (*Христос как форма восприятия вневременного явления* [9: 166]); Бог приравнивается к *совести, нравственной истине*.

«Бог. 1. По религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, **управляющий миром; всеобщее мировое начало** (курсив наш. – Т.Р.)» [2: 86].

*Соловецкие острова – место, где ощущение **творящего Бога и временности человеческого** постоянно поддерживается сменами времен года, ритмом суток, длинными ночами зимой и длинными закатами вечером, длинными восходами солнца по утрам, быстрыми сменами погоды, многообразием ландшафтов, ощущением длительности истории этих мест, отмеченных языческими лабиринтами и обетными крестами, храмами и часовнями, где напряженный крестьянский и ремесленный труд был бы так свят и так угоден Богу* [9: 230].

С той страшной ночи во мне произошел переворот. Не скажу, что все наступило сразу. Переворот совершился в течение ближайших суток и укреплялся все больше. Ночь была только толчком. Я понял следующее: каждый день – подарок Бога. Мне нужно жить насыщенным днем, быть довольным тем, что я вижу еще лишний день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете. И еще. Так как расстрел и в этот день производился для острастки, то, как я позднее узнал, было расстреляно какое-то ровное число: не то триста, не то четыреста человек.

Ясно, что вместо меня был «взят» кто-то другой. И жить надо мне за двоих. Чтобы тому, которого взяли вместо меня, не было стыдно.

Чему я научился на Соловках? Прежде всего я понял, что каждый человек – человек. Мне спасли жизнь «домушник» (квартирный вор) и король всех урок на Соловках бандит Иван Яковлевич Комиссаров, с которым мы жили около года в одной камере [11: 43].

Важно, что идеал для русского сознания – понятие нравственное, не связанное с представлением о материальном благополучии, в этом смысле он противопоставлен западному идеалу. Для русского сознания, особенно для русской интеллигенции, понятие об идеале является нормой, само собой разумеющимся, и вместе с тем идеал – явление недостижимое (*Он был для нас вроде нормы и недостижимого образца* [13: 231]. Как правило, идеальные черты воплощаются в конкретном человеке: *идеальный педагог* гл. «Леонид Владимирович Георг» [9: 135-143].

Идеал всегда отражается в произведениях культуры, поэтому концепт ‘культура’ тесно связан с концептом ‘идеал’. *Культурный* трактуется как – *интеллигентный, духовный, нравственный, подверженный идеалу* [12: 428-429]. Идеал часто воплощается в деятеле культуры. Рассмотрим текст.

<...> Были десятки кружков, встреч, шуточных обычаев, которыми Петербург провожал свое блистательное прошлое. Впоследствии А.А.Ахматова прекрасно уловила этот характер умирания культуры в своей «Поэме без героя».

Так монологическая культура «пролетарской диктатуры» сменяла собой полифонию интеллигентской демократии. С самого своего утверждения в нашей стране советская власть стремилась к уничтожению любого многоголосия. Страна погрузилась в молчание, – только односторонние восхваления, единогласие, скука смертная, – именно смертная, ибо установление единогласия было равно смертной казни для культуры и для людей культуры [9: 185]. [Идеал культуры – 19 век, прошлое. Идеал –

полифония (многоголосие), интеллигентская демократия; антиидеал – пролетарская диктатура, односторонние восхваления, единогласие].

Определение «последний интеллигент» немало способствовало прижизненной мифологизации Д.С.Лихачева. Мысль об этичности знания, лежащая в основе нравственного учения Д.С.Лихачева*, связывает его учение с основным постулатом русской интеллигенции как исторического феномена. По утверждению Д.М.Буланина, «именно эта связь гарантирует право Д.С.Лихачева на роль учителя жизни <...>. Учение Д.С.Лихачева, как и надлежит быть этическим теориям, предельно просто. Он призывает свою аудиторию обратиться к русскому культурному наследию и утверждает, что восприятие этого наследия пробуждает национальную гордость и благотворно влияет на нравственное чувство**». Патриотизм, как его понимает Д.С.Лихачев, делает человека открытым для всех культурных ценностей, через любовь к своей культуре он познает культуру мировую. Патриотизм в такой форме – чисто национальная черта: в России, по крайней мере в историческом своем выражении, он всегда был патриотизмом включения, а не патриотизмом выключения, предполагающим взаимное отчуждение и неприязнь <...> современное русское общество согласилось с его [Лихачева] *правом* проповедовать это учение [3: 20-21]». Сам же Д.С.Лихачев писал следующее: «Все мои статьи имеют не “проповедническую” цель, а являются определенными **поступками** в борьбе за сохранение культуры, не только русской культуры, а культуры в целом <...> У меня не было никакого своего «нравственного учения», были **поступки** – согласно велению **совести** [выделено нами. – Т.Р.]. Совесть, если она есть, объединяет людей.

Определенное “учение” тем не менее у меня существует, и оно реализуется мной в изучении литературы» [10: 212-213].

---

* «<...> русская интеллигенция отказалась отделять знание («интеллект») от нравственности и благодаря этому стала к началу двадцатого века носителем национальной идеи» [3: 37].

** Не только на нравственное чувство, но и на здоровье. См. ниже цитату из А. Вознесенского.

Основное ощущение жизни у автора «Воспоминаний»: умирание культуры, интеллигентности, идеала, отсутствие самостийности в современной культуре, только подражание эстетическому идеалу.

Потеря идеала, культурных ценностей связывается в русском сознании с многострадальной судьбой русского народа, с изломами русской истории.

Ещё раз сошлемся на книгу Д.М.Буланина с говорящим названием «Эпилог к истории русской интеллигенции»: «<...> Вместе с учеными, растерявшими свои идеалы, уходит в прошлое (*растворяется* в анналах истории <...>) то одновременно социальное и этическое явление, которое принято называть интеллигенцией и которое составляет одну из характерных особенностей русской истории Нового времени <...>. Только знания, профессиональные знания, позволяли интеллигенции размежеваться с окружающей средой. Утратив, в лице ученых, веру во всемогущество знания, интеллигенция лишилась и главного своего оружия. Одновременно оказался лишен смысла и главный девиз интеллигенции, заключавшийся в признании этичности знания. Если знание обесценено, оно не может служить моральным эталоном [3: 101, 157-158]». Об этом же писал Д.С.Лихачев: «*Я оценил моральную стойкость людей старого дворянского воспитания*» [11: 44].

Анализируя эстетическую составляющую концептосферу языковой личности, необходимо заметить, что эстетическая оценка, как правило, обусловлена этической или подчеркивает этическую оценку.

Проанализированные тексты с доминантой эстетической оценки по объекту оценки (исходя из частотности) можно объединить в следующие основные группы: 1) оценка человека, 2) природы, ландшафта, 3) произведения искусства, 4) запахов, звуков, красок.

Внешние эстетические проявления, имидж, тоже имеют национальный идеал. Представление о красоте человека в русской национальной картине мира связывается с понятием здоровья, с его визуально наблюдаемыми признаками: крепким телосложением, румянцем на лице, блеском глаз, широкими плечами и

т.п. Автор мемуаров придерживается идеала аристократической красоты. См. о В.П.Адриановой-Перетц:

Дома она всегда была готова к приему неожиданных посетителей: прекрасно и изящно одета, собранна, душевно подтянута и приветлива. Парикмахер приходил к ней на дом, чтобы уложить волосы, в которых эффектно выделялась поднимавшаяся ото лба совершенно белая седая прядь. Никто не смог бы застать ее в дурном расположении духа [9: 557].

В эстетической оценке природы и искусства выражается взгляд человека на мир, система его ценностей. Например: *Погода постоянно обращена к человеку. Она о нем помнит, создает ему настроение [9: 58].* Этическая оценка природы выражает мировоззрение личности. Например: *На Соловках все говорит о призрачности здешнего мира и о близости потустороннего [9: 227].*

Природа Соловецких островов словно создана между небом и землей...

Здесь – большой природный Рай, но одновременно Ад для заключенных всех рангов, сословий, всех населяющих Россию народов! Здесь, в этом мире святости и греха, небесного и земного, природа и человек соединились в необыкновенной близости [9: 230].

Счастье – в гармонии взаимоотношений человека и природы, человека и общества, а свойственное русскому языку представление о месте человека в мире и, в частности, в социальной сфере нашло отражение в концептах ‘свобода’, ‘воля’.

Как отмечает Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелев, слово *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, а в слове *воля* выражен специфический русский концепт [4]. *Воля* издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами. На эту связь указывает Д.С.Лихачев:

Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, ничем не ограниченным пространством [4: 157].

Косвенной, иногда скрытой, эстетической и эмоциональной оценкой изображаемой действительности являются те запахи, краски, звуки, которые ассоциируются у писателя с изображаемым. То, как воспринимает писатель окружающую действительность, через какие звуки и запахи, – показатель его менталитета. Нельзя забывать и о том, что в авторской оценке присутствуют определенные стереотипы, эмоциональные, социальные и культурные. Ср. звуки детства в следующем примере:

*А днем в жару пляж гудел, как улей, роем детских голосов, **радостных, испуганных, когда окунались, озорных при игре, но всегда приглушенных водой, расплывающихся, нерезких.** Эта музыка пляжа слышна и сейчас, и до сих пор я ее очень люблю. Что за чудо веселья, развлечений, озорства, легкости общения, театральных и праздничных экспромтов была эта Куоккала!*

*Куоккала была царством детей. На пляже слышался гомон детских голосов <...> По воскресеньям на пляже где-нибудь **играл оркестр**: это означало, что было благотворительное представление [9: 85-86].*

Если говорить о восприятии действительности, то оно у авторов мемуаров происходит как сопоставление *тогда – теперь*, в пользу *тогда*. Это, во-первых, объясняется тем, что *тогда* – это детство, а «детская память, конечно же, колодец, и колодец со **светлой** водой, в которой **отражается не только небо, не только все самое яркое, но прежде всего поразившее воображение**» [1: 15]. Во-вторых, объясняется этическим неприятием нынешней жизни на фоне прошлой. Ярким примером этого являются «Воспоминания» Д.С.Лихачева. См. в главе «О Петербурге моего детства» противопоставление Петербург – Ленинград:

*Цвет конок и трамваев легко забудется. Цветной фотографии еще не было, а на картинах они не так часто изображались: поди ищи! Конки были довольно **мрачные по цвету: темно-сине-серые с серыми деталями.** А трамваи очень **оживляли** город: они были покрашены в **красный и желтый цвет, и краски были всегда яркие и свежие** [9: 49]. [Цвет: зеленый, синий, желтый, красный, солнечный (=яркий. – Т.Р.)].*

Годы 1917-1950-е запомнились мне своими темными и скучными красками. Дома если и красились, то уже в один цвет, орнамент не выделялся цветом, да и не чинился. Не стало красивых форм у военных. Люди ходили оборванные и во всем старом, хотя бы и имели новое, но новое было носить опасно – как бы не приняли за «буржуев». По этой же причине не носили белых воротничков <...> Я запомнил его [Шаляпина] не потому, что впервые увидел «знаменитость», а потому, что бекеша Шаляпина была необычного цвета – синяя.

Когда в тридцатых годах мне рассказали, что за границей легковые автомобили имеют разные цвета и можно встретить даже красные, желтые, голубые, я как-то не мог себе это представить – настолько я привык ко всему черному в автомобильном хозяйстве [9: 57].

Темно-коричневая толстовка, остальное все черное, поношенное, с темными рубашками <...> Таковы были цвета трех десятилетий нашей советской жизни [9: 58].

Для текста Д.Лихачева в этом случае характерно обобщенное обозначение субъекта восприятия (для всех Петербург был таким). *Погода – тогда/теперь: «Изменилась ли погода в Петербурге со времен моего детства? Что называть погодой? <...> Другим стал запах уличного воздуха, даже его ощущение лицом. Десятки тысяч лошадей, обдававших прохожих своим теплом, как это ни странно, делали воздух города менее официальным. Я не оговорился: именно «менее официальным», менее безразличным к человеку [9: 59].*

Здесь необходимо указать на исследования В.П.Белянина (2000), в работах которого представлена психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте: «светлые», «темные», «печальные», «веселые», «красивые», «сложные», «смешанные». В сенсорных модальностях «печальных» текстов ведущим является компонент «запах» (например, у Астафьева преобладают запахи приятные, у Нагибина – неприятные; у Лихачева – запахи и звуки с оценкой «плюс» – в прошлом, «минус» – в настоящем).

Духовная культура проявляется и в области чувств и эмоций. Для русского языкового сознания главным во внутреннем содержании человека считается душа; именно она определяет его внутреннюю сущность и нередко мыслится как метонимическая замена всего человека (ср. «Душа. Разг. Человек» [14, 4: 535]). В русском языке, как и во многих других,местилищем души мыслится сердце; ум, разум, сознание сосредоточиваются в голове. «Сердце как орган религиозного восприятия должно быть отличаемо от души, ума, духа, от сознания вообще. Оно глубже и, так сказать, центральнее, чем психологический центр сознания. Сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и духа, не только духа, но и тела, не только умопостигаемого, но и непостижимого; одним словом, оно есть абсолютный центр» [6: 68]. Например:

*Шедевры хранят в себе гигантскую энергию сотворивших их подвижников, помноженную на века. Недавно, заболев, я чуть было не загнулся. Сыпались советы. Предлагали срочно больницу, тибетскую медицину, экстрасенсов. Академик Лихачев сказал: Надо несколько раз **сердцем прочитать** «Слово о полку Игореве» [5: 315].*

Невысокая степень эмоциональности текстов и высокая степень аналитичности тоже характеризуют их авторов как языковую личность. Для мемуарной публицистики Д.С.Лихачева характерны стратегия смягчения отрицательной оценки, тактики сокрытия, завуалирования отрицательных эмоций, косвенность высказывания: 1) преобразование различных элементов прямого оценочного высказывания: объект оценки не назван или дан как неопределенный, объект оценивается через другой объект, намеренная смена объекта оценки; введение языковых элементов с семантикой смягчения категоричности; введение структурных схем с семантикой уступки – *хотя, но*, возмещения-компенсации – *зато*, сожаления – *если бы*, исключения – *кроме* и др.; авторское использование паремического и фразеологического фонда языка; смена тактики на прямо противоположную; смена коннотативного знака (сокрытие отрицательных эмоций за положительными); недосказанность;

персонификация; использование прецедентного текста, ситуаций, имени; 2) выражение оценки с помощью другого иллокутивного акта, формально неоценочного. В текстах Д.Лихачева преобладают косвенные высказывания. Данная стратегия и данные тактики обусловлены следующими правилами коммуникации: не задевай, не унижай, не будь излишне категоричным.

В заключение скажем, что, видимо, имеет основание такой вывод Д.М.Буланина: «Д.С.Лихачеву, провозглашавшему на исходе века культурные и нравственные идеалы русской интеллигенции, не было нужды извлекать эти идеалы из архивных источников. Они подспудно присутствовали в самой советской культуре, недоставало лишь человека, которого современное общество признало бы правомочным их провозвестником. Следует подчеркнуть, что Д.С.Лихачев заработал свое право стать таким провозвестником: его печатные и устные выступления, его пристрастия в науке и жизни, даже его манера поведения – все ориентировано на культуру тех, кого история сделала носителями национальной идеи <...> Главное – это желание пережить чужое как свое, мысленно пройти крестный путь русской интеллигенции классической эпохи. Главное – это сохранить уверенность во вневременном значении того кодекса чести, который заключен в понятии «интеллигент» [3: 39-40].

1. *Астафьев В.* Вечерние раздумья: Заключительная глава книги «Последний поклон». Окончание // Новый мир. – 1992. – №3.
2. *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998.
3. *Буланин Д.М.* Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. – СПб., 2005.
4. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (На материале русской грамматики). – М., 1997.
5. *Вознесенский А.А.* На виртуальном ветру. – М., 1998.
6. *Вышеславцев Б.П.* Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. – 1990. – №4. – С. 62-88.
7. *Джидарьян И.А.* Представление о счастье в российском менталитете. – СПб., 2001.
8. *Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.
9. *Лихачев Д.С.* Избранное: Воспоминания. – СПб., 2000.

10. *Лихачев Д.С.* Проповедь или поступок? (Ответ на юбилейное приветствие Д.М.Буланина) // Русская литература. – 1998. – №2. – С. 212-213.
11. *Лихачев Д.С.* Соловки. Записки / Статьи разных лет (сборник). – Тверь, 1993. – С. 31-45.
12. *Нагибин Ю.М.* Дневник. – М., 2001.
13. *Самойлов Д.* Из книги «Памятные записки»: Сны об отце // Дружба народов. – 1993. – №10. – С. 211-240.
14. *Словарь* современного русского языка. – М., 1991. – Т. 4.
15. *Соловьев В.С.* Соч.: В 2-х т. – М., 1988.

T.V. Romanova

THE LANGUAGE PERSONALITY OF D.S.LIKHACHEV AS AN ELITE LANGUAGE PERSONALITY OF A RUSSIAN INTELLIGENT

The language personality of D.S. Likhachev is analysed on the material of his “Memoirs” and publicistic articles. Certain notions, ideas and concepts forming a more or less orderly picture of the world that reflects the hierarchy of this personality’s values are referred to as the correlate of the language personality. Through the prism of these conceptual notions one can trace connection of this personality with the culture of the social community that it belongs to.

Key words: language personality, individual cognotype, social community, intelligent.

Т.В. Романова

МОВНА ОСОБИСТІТЬ Д.С.ЛИХАЧОВА ЯК ЕЛІТАРНА МОВНА ОСОБИСТІТЬ РОСІЙСЬКОГО ІНТЕЛІГЕНТА

Мовну особистість Д.С.Лихачова проаналізовано на матеріалі його «Воспоминаний» і публіцистичних статей. Як корелят мовної особистості розглянуто поняття, ідеї, концепти, що становлять більш-менш упорядковану картину світу, яка відображає ієрархію цінностей даної особистості. Через призму концептуальних уявлень можна встановити зв'язок особистості з культурою соціуму, до якого вона належить (соціум російської інтелігенції).

Ключові слова: мовна особистість, індивідуальний когніотип, соціум, інтелігент, Д.С.Лихачов.